

УДК 327

ФАКТОРЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ СЕРБИИ И ТУРЦИИ¹

© 2024 **ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич**

Доктор политических наук

Центр междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам

(ИНИОН) РАН, старший научный сотрудник, заместитель директора

117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

E-mail: *efd2015@mail.ru*

© 2024 **РАСТЕГАЕВ Даниил Олегович**

Магистр международных отношений

Отдел политической науки

Институт научной информации по общественным наукам

(ИНИОН) РАН, младший научный сотрудник

117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

E-mail: *rastegaev.2000@mail.ru*

Поступила в редакцию 22.07.2024

Принята к публикации 05.10.2024

Аннотация. В статье рассматривается проблематика онтологической безопасности Турции и Сербии и ее влияние на выработку внешнеполитического курса этих государств. Различные исторические пути данных государств неизбежно оставляют свой отпечаток на видении их макрополитическими сообществами своей истории и, соответственно, на расстановке внешнеполитических приоритетов. В Турции «неоосманнизм» и стремление вернуть лидерство в исламском мире входят в противоречие с идеологическим и институциональным наследием основателя Республики Мустафы Кемала Ататюрка. В связи с этим современное руководство Турции делает выбор в пользу комбинированной стратегии, включающей воздействие на идентичность собственного макрополитического сообщества и изменение условий внешней международной среды таким образом, чтобы повысить статус страны как одного из наиболее

¹ Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00726.

значимых акторов трансформирующегося мирового порядка. Сербия, чья нынешняя государственность базируется на фундаменте, заложенном Слободаном Милошевичем, вынуждена приспособлять «косовский» миф основания к современным геополитическим реалиям Юго-Западных Балкан. «Жертвенный» и оборонительный нарративы, выстроенные для снижения степени онтологической небезопасности, уже с трудом справляются с решением этой задачи. Возможности маневра для страны и ее политического руководства ограничены. Сербия фактически оказалась скована двойным обручем регионального доминирования ЕС и НАТО. При этом официальный Белград действует, осознавая пределы восприятия сербским обществом тех нарративов, которые настоятельно продвигают западные партнеры.

Ключевые слова: онтологическая безопасность, Турция, Сербия, биографический нарратив, миф основания, М.К. Ататюрк, Р.Т. Эрдоган, С. Милошевич, Косово

DOI: 10.31857/S0201708324060159

В статье рассмотрена проблематика влияния исторических нарративов и ключевых компонентов социальной идентичности на выработку внешнеполитического курса Сербии и Турции. В XX в. обе страны прошли через исторические катастрофы, крах предшествующей модели государственности и пересборку нации. Для понимания их внешней политики необходимо учитывать идентитарные факторы, связанные с культурной памятью, социальными коммуникациями, образами национального прошлого, настоящего и будущего. Сербия и Турция претендуют на полноправное членство в Евросоюзе, но процесс евроинтеграции становится вызовом для онтологической безопасности и идентичности макрополитических сообществ.

Понятие онтологической безопасности позволяет расширить возможности изучения взаимосвязи выработки внешнеполитического курса государства и доминирующих в публичной сфере ценностей, представлений о прошлом, настоящем и будущем страны, соседях и месте в международном порядке. В последние десятилетия анализ онтологической безопасности вышел за рамки психологии (Р. Лэйнг) и социологии (Э. Гидденс) и прочно утвердился в сфере исследований мировой политики. Сформировался массив идей и текстов, предлагающих различные интерпретации онтологической безопасности в контексте поведения государств на мировой арене¹.

А. Вендт был первым, кто оперировал концептом онтологической безопасности в исследовании международных процессов и отношений. Он рассматривал онтологическую безопасность как «предсказуемость в отношениях к миру, создающую желание стабильных социальных идентичностей» и включил ее в число четырех базовых интересов нации-государства наряду с физической безопасностью, внешним признанием и возможностью развития [Wendt, 1994]. Дж. Митцен выводит из поиска физической безопасности государств их персональную субъектность [Mitzen, 2006]. Эту линию аргументации развивает Б. Стили и фокусирует внимание на том, что государства совершают социальные действия, удовлетворяя потребности в самоидентичности, даже если это ставит под угрозу физическую безопасность. Государственное Я при этом поддерживается через нарративы, которые порождают рутинизированные внешнеполитические действия [Steele, 2008].

¹ Подробнее см.: [Худайкулова, Неклюдов, 2019].

Авторы статьи исходят из того, что поведение государств на международной арене может быть обусловлено стремлением к онтологической безопасности, но субъектом последней выступает макрополитическое сообщество. Этот коллективный субъект обладает идентичностью, устойчивыми представлениями о прошлом и будущем, надеждами, эмоциями и страхами. Однако внутри страны и на международной арене практические действия осуществляют политические элиты и лидеры, действия которых могут быть ориентированы на собственное макрополитическое сообщество, другие государства или на условия взаимодействия с последними.

Наследие Ататюрка и трансформации макрополитической идентичности в современной Турции

Для Турции важнейшее значение имеет осуществленный Мустафой Кемалем Ататюрком (1881–1938) синтез установок на вестернизацию и нового (в отличие от пантюркизма в поздней Османской империи) турецкого национализма. «Шесть стрел» (*Altı ok*) – базовые принципы кемализма: республиканизм, национализм, народность, лаицизм, этатизм, революционность, решительно разрывали с имперским наследием и дополнялись амбивалентным отношением к Западу как образцу национального развития и одновременно источнику угроз существованию суверенной Турции [Anscombe, 2014].

М.К. Ататюрк стремился преодолеть угрозы физической безопасности, исходящие от Запада, за счет радикальной вестернизации, тогда как основной угрозой онтологической безопасности формирующегося макрополитического сообщества выступало исламское универсалистское наследие султаната и халифата, а также идеи пантюркизма, ставящие под сомнение модель территориального государства (в основном в пределах Анатолийского полуострова). Республиканизм стал специфическим вариантом государственного национализма, носителем которого должна была стать турецкая нация независимо от этнических или иных размежеваний [Böyükbaşı, Yücel, 2021]. После учреждения республики М.К. Ататюрк демонстрировал негативное отношение к пантюркизму и панисламизму, т. к. они обладали дестабилизирующим потенциалом в отношении принципов «шести стрел».

В контексте взаимосвязи идентитарных факторов, исторической памяти, внутренней и внешней политики Турции особо значимыми проблемами выступают интерпретация геноцида армян и урегулирование конфликта с курдами.

Курдская проблема в рамках онтологической безопасности осложнена асимметрией сторон. Турция противостоит не другая держава, а крупнейший по численности этнос, не имеющий самостоятельной государственности и территориально локализованный в пределах четырех государств. В силу этого динамика конфликта характеризуется высоким уровнем напряженности, а перспективы взаимоприемлемого разрешения выглядят туманными. В таком случае возникновение дилеммы онтологической безопасности практически неизбежно, поскольку удовлетворение надежд части турецких курдов относительно собственной государственности подрывает онтологическую безопасность турецкого общества [Rumelili, Çelik, 2017].

Непризнание геноцида армян, ассирийцев и понтийских греков в период Первой мировой войны выступает политической стратегией, глубоко связанной с проблематикой онтологической безопасности. В данном случае нет существенного разрыва между

Турецкой республикой и Османской империей, поскольку завершающие акты этнических чисток были исполнены войсками Мустафы Кемаля (Смирнская резня 1920 г.). М.К. Ататюрк признавал материальное отставание, но одновременно постулировал полное моральное равенство с Западом и отрицал любые трактовки прошлого, ведущие к стигматизации Турции и ее подчиненному положению [Lazar, 1923]. Основатель современного турецкого государства, отвергая любой вариант принятия ответственности за массовую гибель армян, ассирийцев и понтийских греков, стремился не дать европейским державам ни малейшего шанса для дискриминации Турции и вмешательства во внутренние дела.

Смена поколений политических лидеров гипотетически позволяла Анкаре признать и осудить геноцид, облегчив тем самым взаимодействие с рядом стран и наднациональных объединений. Однако активность турецких официальных лиц и дипломатических представителей в странах, признавших илидвигающихся в направлении признания армянского геноцида, свидетельствует о глубокой озабоченности фактором внешнего восприятия. В первую очередь признание факта геноцида, принятие ответственности и выражение готовности искупить вину ведет к крайне болезненному пересмотру национального биографического нарратива, связанного с учреждением республики. Переключение самовосприятия макрополитического сообщества от априорной праведности к искуплению вины переводит сообщество в состояние онтологической небезопасности [Zarakol, 2010]. Давление извне, направленное в первую очередь на политическую элиту, встречает негативный отклик в турецком общественном мнении, что еще больше укрепляет решимость макрополитического сообщества в отказе от признания армянского геноцида.

Р.Т. Эрдоган добился наибольшей степени свободы в реинтерпретации наследия М.К. Ататюрка. Президент Турции постулирует полное моральное равенство с Западом, но идет еще дальше и претендует на моральное превосходство, которое обеспечивает достижения Турции в первой четверти XXI в., исламскую идентичность, лидерство в тюркском мире, пиетет в отношении османских традиций. В частности, для Р.Т. Эрдогана одним из оснований подчеркнуть моральную ущербность позиции стран ЕС стали их действия во время миграционного кризиса 2015 г., которые контрастировали с готовностью Анкары принять значительное число сирийских беженцев [Basbuglu, Korkut, 2022].

Усиливающиеся различия в идентичности и этических принципах делают вступление Турции в ЕС проблематичным, что усугубляется унижением от ожидания прогресса в евроинтеграции. В этом проявляется одна из линий раскола внутри турецкого общества: строгое следование заветам М.К. Ататюрк теоретически должно привести Турцию в Евросоюз, тогда как линия президента не просто отдаляет европейскую перспективу, а все более явно акцентирует риски интеграции с точки зрения онтологической безопасности. Истоки евроскептицизма Р.Т. Эрдогана, как и вестернизаторский порыв основателя республики, заключаются во фрустрации, связанной с отставанием от Запада и непризнанием равноправного статуса Турции. Вопрос заключается в том, может ли евроинтеграция обеспечить стабильность турецкой макрополитической идентичности или для этого есть другие пути.

Регулярно навешиваемые в странах ЕС на Р.Т. Эрдогана ярлыки автократа, популиста, исламиста, пантюркиста, неоосманиста и др. явно не охватывают всего содержания политического курса. Президент Турции склонен к рискованному политическому ма-

неврированию не только между основными центрами силы на международной арене, но и между идеологиями, культурными и политическими традициями. Глубокое влияние на идентичность и политическую позицию мусульман в Турции и за ее пределами оказал Ф. Гюлен, поставивший под сомнение принцип лаицизма. Заявленная идея «строить новые школы вместо новых мечетей» указывает на стратегический подход, ориентированный на достижение долгосрочных результатов [Agaı, 2004]. Неформальный союз с Ф. Гюленом обеспечил Партии справедливости и развития массив избирателей, благосклонно относящихся к политическому исламу. Последующий разрыв с Р.Т. Эрдоганом был обусловлен борьбой за влияние на общество не только в области политических отношений, но и в образовании и других сферах, оказывающих сильное воздействие на идентичность и самовосприятие макрополитического сообщества. Провал попытки военного переворота в 2016 г., в причастности к которому были обвинены Ф. Гюлен и сторонники движения «Хизмет», и объявление последних террористической организацией фетхуллахистов укрепили политические позиции президента, но понизили уровень онтологической безопасности турецкого общества.

Сотрудничество Р.Т. Эрдогана и А. Давутоглу (министр иностранных дел в 2009–2014 гг., премьер-министр в 2014–2016 гг.) придало внешней политике концептуальную глубину, которая не всегда удачно сочеталась с экспансивным политическим стилем турецкого лидера. Основные составляющие внешнеполитического подхода А. Давутоглу – активность, многомерность, принцип «ноль проблем с соседями», ритмичная дипломатия и мягкая сила [Davutođlu, 2013] – в сочетании с новым геополитическим масштабом, заданным обращением к османскому наследию и универсалиям исламской цивилизации, по большей части пережили партнерство с Р.Т. Эрдоганом. Как теоретик внешней политики Турции, А. Давутоглу обосновал отход от однозначно прозападной ориентации страны указанием на фундаментальные противоречия исламской и западной цивилизаций. Турция претендует не просто на лидерство в тюркском мире, а на представительство интересов всей исламской цивилизации в процессах трансформации мирового порядка и изживании гегемонии Запада. Уход А. Давутоглу в оппозицию не помешал дальнейшей реализации этих установок.

В маневрировании Р.Т. Эрдогана, помимо индивидуального стиля, стремления сохранить властные позиции и усиления политического влияния, можно увидеть реакцию на нараставшие на протяжении XX в. трудности с полномасштабной реализацией проекта К.М. Ататюрка. Президент Турции не является последовательным антикемалистом, но он готов с наименьшими колебаниями преодолевать ограничения политико-идеологического конструкта основателя республики.

Р.Т. Эрдоган неуклонно следует установкам Мустафы Кемала в отрицании геноцида армян. После фактического восстановления суверенитета Азербайджана над Нагорным Карабахом, Турция очень близка к стратегическому успеху по вопросу о геноциде. Скорее всего, следующим шагом Еревана после нормализацией отношений с Баку станет налаживание взаимодействия с Анкарой. Однако в армяно-турецких документах геноцид периода Первой мировой войны не будет упомянут. В этом случае Р.Т. Эрдоган сможет заявить, что принцип «ноль проблем с соседями» реализован по сценарию Анкары без единой уступки в вопросе признания ответственности за геноцид.

Сербский случай: секьюритизация жертвенности

Случай Сербии демонстрирует переплетение двух базовых (мета)нарративов: оборонительного («сербы никогда не начинали и не вели завоевательных войн») и жертвенного («сербы чаще всего становились жертвами насилия со стороны более крупных противников»). Они были актуализированы в рамках развития идеи о народе как центральном протагонисте истории, взятой на вооружение еще С. Милошевичем в качестве средства деконструкции «пролетарского югославизма» [Stojanović, 2011]. Соответственно, любой контрнарратив способен обострить состояние онтологической небезопасности. По этой причине почти все узловые события сербской истории – от битвы на Косовом поле до проблемы признания независимости албанско-косовского государства – интерпретируются с точки зрения обороны и/или жертвенности сербского народа. То, что не укладывается в эти стратегии, чаще всего замалчивается и выпадает из национальной биографии.

Косовский миф имеет исключительное значение для сербской национальной идентичности. Каноническую форму это национальное предание обрело благодаря изданию сербских народных песен В. Караджичем в начале XIX в., т. е. в период консолидации сербской политической нации. Политические коннотации в отсылках к битве на Косовом поле появляются уже в начале XIX в. в сочинениях участников борьбы за освобождение Сербии от османского господства, что соответствует общим модальностям национал-строительства в Европе в этот исторический период. Сюжет о битве изначально служил основой для создания нужного политического климата прежде всего для борьбы с турецким господством [Ejdus, 2020].

На государственном уровне импульс формированию и содержательной трансформации национального предания придавали официальные юбилеи Косовской битвы. Первый был организован в 1889 г. Политические сообщения юбилейных торжеств 1889 г., 1939 г. и 1989 г. в трех разных государствах (королевство Сербия, королевство Югославия, Социалистическая Федеративная Республика Югославия) настолько различались, что исследователи считают возможным говорить о трех разных косовских мифах [Ломоносов, Колобов, 2007]. Такая трактовка представляется слишком упрощенной. Косовский миф многослоен и пластичен, поэтому позволяет решать разнообразные политические задачи.

Юбилеи не только отражали долгосрочную программу действий Белграда на международной арене, но и получали закрепление в массовом сознании сербов. Риторика и символика юбилея 1889 г. определяла действия Белграда накануне и во время Балканских войн; речь Слободана Милошевича на Газиместане по сей день определяет грани приемлемого и неприемлемого для сербских политиков.

Миф о битве на Косовом поле более устойчив, чем политические режимы и идеологические конструкты, привязанные к различным формам сербской государственности. В отличие от Турции у Сербии не было времени для развития одной модели государственного устройства. Современная государственность, сформированная усилиями С. Милошевича, функционирует в искаленном виде в результате фиаско великосербского проекта. По этим причинам косовский миф играет конституирующую роль в онтологической безопасности сербов. Все нарративы об османском прошлом оказываются

оборонительными или виктимными, память об этой эпохе в Сербии по большей части стремятся заместить или искоренить.

В трактовках событий Второй мировой войны или периода распада Югославии нарратив жертвенности получает мощную и постоянную поддержку прежде всего благодаря памяти о целенаправленном истреблении сербов хорватскими усташами и балканском аналоге Освенцима – концлагере Ясеновац. Оборонительный нарратив требует более сложных манипуляций, поскольку борьба с внешним вторжением накладывалась на жесткое межэтническое противостояние и братоубийственную схватку, обусловленную политико-идеологическими размежеваниями. В процессе деконструкции социалистического нарратива о партизанах-антифашистах из четников и их лидера Д. Михайловича (которые в официальном дискурсе Югославии были практически уравнены с усташами) стали формировать образ национальных героев [Trošt, David, 2022]. Изменение оценок движения четников вместе с ростом внимания к жертвам социализма – индикатор более глубокого процесса декоммунизации (и включения их в нарратив об исключительно сербской победе во Второй Мировой войне) [Đureinović, 2018]. Избирательное памятование вместе с существенным расширением зоны забвения высвечивает важное отличие от турецкой модели отрицания вины за геноцид армян. Трагическая история межэтнических противостояний на Западных Балканах дает обильный материал для того, чтобы почти на каждое обвинение сербов в насилии и жестокости по отношению к представителям других этнических групп мобилизовать нарратив виктимности.

Балансировка такого рода еще сильнее проявляется в нарративных стратегиях, используемых в ходе дискуссий о политических потрясениях и войнах, сопровождавших распад Югославии. Обвинения сербов в геноциде по отношению к хорватам, бошнякам, косовским албанцам, исходящие не только от представителей этих народов, но и от международных и наднациональных институций (Международный трибунал по бывшей Югославии, Европейский парламент, различные неправительственные организации) вынуждают Белград использовать дифференцированную риторику, адресованную внутренней и внешним аудиториям. Часть сюжетов, непосредственно связанных с военными преступлениями сербской стороны, трансформируется в жертвенный нарратив: например, память о событиях в Сребренице либо замещается параллельными сюжетами о реальных страданиях сербов от военных преступлений, совершенных бошняками и хорватами, либо преобразуется в эпизод обороны от критической внешней угрозы. В то же время курс на евроинтеграцию требует помимо крайне болезненных уступок относительно статуса Косово частично принять нарратив о сербской ответственности за Сребреницу (без официального признания этой трагедии актом геноцида). Вынужденное сотрудничество с МТБЮ на фоне уверенности большинства населения в том, что сербы не могли совершать преступления, – неотвратимая повинность для любой власти в Белграде, особенно тяжелой на фоне нежелания [Subotić, 2010]. Это обстоятельство значительно усиливает ощущение онтологической небезопасности сербского макрополитического сообщества.

Стремление Сербии присоединиться к Евросоюзу выступает дестабилизирующим фактором для онтологической безопасности, поскольку, с одной стороны, подтверждает постулируемую европейскую идентичность сербов, с другой – требует принять отторгаемые большинством сербов нарративы и признать моральную и политическую

правоту стороны, в 1999 г. осуществлявшей бомбардировки Белграда и других сербских городов.

Главной проблемой, устойчиво погружающей сербское общество в состояние онтологической небезопасности, остается Косово. Правительство Сербии выработало с 2008 г. довольно эклектичное сочетание стратегий перманентного непризнания независимости края и замалчивания того факта, что это служит главной преградой на пути в Евросоюз. Для ориентированных на евроинтеграцию групп населения создается иллюзия, что Белграду удастся стать членом ЕС и избежать формального признания независимости Косово. А. Вучич особенно преуспел в этом и сумел помимо прочего убедить основных контрагентов в ЕС и США, что любая альтернативная фигура предпочтет косовский миф, а не перспективы евроинтеграции. Однако президент Сербии в диалоге с Брюсселем и Вашингтоном всегда останавливается у критического рубежа, когда ради обретения сербами европейского Я им требуется отказаться от старого, связанного с Косово [Ejdus, 2020]. Переход этого рубежа означает острый кризис онтологической безопасности с его последующей трансформацией во внутриполитический, итогом которого будет утрата легитимности власти, которая решится на отказ от Косово.

Заключение

Вопрос о признании статуса и принятии или непринятии внешними акторами образа государства, который сформирован макрополитическим сообществом, очень важен с точки зрения беспокойства сообщества об онтологической безопасности. Если государство, лидеры и правящая элита, понимая отсутствие шансов в будущем изменить отношение внешних акторов, делают выбор в пользу убеждения своего сообщества в невозможности обеспечить статус согласно представлениям сообщества о национальной биографии, они рискуют утратить прежнюю легитимность и/или потерять позиции в результате электоральных процедур. Другой вариант – это действия, направленные на изменение отношения внешних акторов или общих условий, которые влияют на выработку позиции других стран.

Контролируемая готовность к конфронтации с внешними оппонентами может привести к изменению их поведения или к общей реконфигурации соотношения сил. Во втором случае борьба за статус и изменение глобального (или регионального) *status quo* могут способствовать укреплению онтологической безопасности, несмотря на то что усиливают риски в рамках физической безопасности. Турция при Р.Т. Эрдогане нередко прибегает к воинственной риторике, но применение вооруженных сил за пределами территории страны носит ограниченный характер. Турецкая Республика выступает ярким примером комбинации работы с макрополитической идентичностью собственного сообщества и активных усилий по трансформации внешних средовых взаимодействий, итогом которых становится приобретение государством более высокого статуса. Турция успешно использует благоприятные возможности, связанные с последствиями распада Советского Союза и эрозией гегемонии Запада на глобальном и региональном уровнях. При этом турецкое макрополитическое сообщество слабо консолидировано в отношении перспектив ревизии наследия К.М. Ататюрка и европейской интеграции. Не исключено, что при всей внешней успешности Анкары в качестве международного иг-

рока этот фактор станет значимым на завершающей стадии эпохи лидерства Р.Т. Эрдогана либо вскоре после ее завершения.

Сербия не может воспроизвести достижения Турции в силу неблагоприятного соотношения сил и пребывания в жестких геополитических условиях, контролируемых ЕС, США и НАТО. Изменить внешнюю среду одному Белграду не удастся, а надежды на то, что за него это сумеет сделать Россия, могут оказаться иллюзорными. Вместе с тем политика постоянного балансирования между косовским мифом и признанием геополитических реалий без достижения членства в ЕС, проводимая долгое время А. Вучичем, может обернуться активизацией конфликтного потенциала в Косово или в Боснии и Герцеговине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ломоносов М.Ю., Колобов А.В. (2007) Косовский миф и его хронология. *Исторический вестник университетов Любляны и Перми*. № 1. С. 109–113.

Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. (2019) Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе. *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149.

Agai B. (2004) *Zwischen Netzwerk und Diskurs. Das Bildungsnetzwerk um Fethullah Gulen*. EB-Verlag, Hamburg, Germany. 396 p.

Anscombe F.F. (2014) *State, Faith and Nation in Ottoman and Post-Ottoman Lands*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 323 p. DOI: 10.1017/CBO9781107323926

Basbugoglu T., Korkut U. (2022). Responsibility to Protect European Identity. *Contesting Cosmopolitan Europe. Eurosepticism, Crisis and Borders*. Ed. by J. Foley, U. Korkut. Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands. P. 85–104.

Bölükbaşı Y.Z., Yücel G. (2021) Turkish Ontological Security in the Early Republic Era: Identity, Regime, and State. *Universal Journal of History and Culture*. Vol. 3. Issue 1. P. 19–34. DOI: 10.52613/ujhc.889306

Davutoglu A. (2013) *Teoriden Pratiğe: Türk Dış Politikası Üzerine Konuşmalar* [Talks on Turkish Foreign Policy from Theory to Practice]. Küre Yayınları, Istanbul, Turkey. 440 p.

Đureinović J. (2018) To Each Their Own: Politics of Memory, Narratives about Victims of Communism and Perspectives on Bleiburg in Contemporary Serbia. *Politička Misao*. Vol. 55. Issue 2. P. 89–110.

Ejds F. (2020) *Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession*. Palgrave Macmillan Cham. 202 p. DOI: 10.1007/978-3-030-20667-3.

Lazar H.J. (1923) Gespräch mit Mustafa Kemal. *Neue Freie Presse*. 22.09. P. 1–2.

Mitzen J. (2006) Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations*. Vol. 12. Issue 3. P. 341–370. DOI: 10.1177/1354066106067346.

Rumelili B., Çelik A.B. (2017) Ontological Insecurity in Asymmetric Conflicts: Reflections on Agonistic Peace in Turkey's Kurdish Issue. *Security Dialogue*. Vol. 48. Issue 4. P. 279–296. DOI: 10.1177/0967010617695715

Steele B. J. (2008) *Ontological Security in International Relations. Self-Identity and the IR State*. Routledge, N.Y., USA. 244 p. DOI: 10.4324/9780203018200

Stojanović D. (2011) Value Changes in the Interpretations of History in Serbia. *Civic and Uncivic Values: Serbia in the Post-Milošević Era*. Ed. by O. Listhaug, S. Ramet, D. Dulić. Central European university press, Budapest, Hungary. P. 221–240.

Subotić J. (2010) Explaining Difficult States. The Problems of Europeanization in Serbia. *East European Politics and Societies*. Vol. 24. Issue 4. P. 595–616. DOI: 10.1177/0888325410368847

Trošt T.P., David L. (2022) Renationalizing Memory in the Post-Yugoslav region. *Journal of Genocide Research*. Vol. 24. Issue 2. P. 228–240. DOI: 10.1080/14623528.2021.1968852

Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*. Vol. 88. Issue 2. P. 384–396. DOI: 10.2307/2944711

Zarakol A. (2010) Ontological (In)security and State Denial of Historical Crimes: Turkey and Japan. *International Relations*. Vol. 24. Issue 1. P. 3–23. DOI: 10.1177/0047117809359040

Factors of Ontological Security and their Impact on Foreign Policy of Serbia and Türkiye

D.V. Efremenko

Doctor of Sciences (Politics)

*Center for Interdisciplinary Studies, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION RAS), chief research fellow, deputy director
51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117997*

E-mail: *efdv2015@mail.ru*

D.O. Rastegaev

M. of A. in International Relations

*Department of Political Science, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION RAS), junior research fellow
51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117997*

E-mail: *rastegaev.2000@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problem of ontological security of Türkiye and Serbia and its impact on the foreign policy of these states. The different historical paths of these states inevitably leave their imprint on the macro-political communities' vision of their history and, accordingly, on the arrangement of foreign policy priorities. In Türkiye, “neo-Ottomanism” and the desire to regain leadership in the Islamic world are at odds with the ideological and institutional legacy of Mustafa Kemal Atatürk, the founder of the Republic. Serbia, which current statehood is based on the foundations laid by Slobodan Milosevic, is forced to adapt the “Kosovo” founding myth to the contemporary geopolitical realities of the Southwest Balkans; the victim and defensive narratives construed to reduce ontological insecurity are already struggling to do so.

Keywords: ontological security, Türkiye, Serbia, biographical narrative, founding myth, M.K. Atatürk, R.T. Erdogan, S. Milosevic, Kosovo

DOI: 10.31857/S0201708324060159

REFERENCES

- Agai B. (2004). *Zwischen Netzwerk und Diskurs. Das Bildungsnetzwerk um Fethullah Gulen*, EB-Verlag, Hamburg, Germany.
- Anscombe F.F. (2014) *State, Faith and Nation in Ottoman and Post-Ottoman Lands*, Cambridge university press, Cambridge, UK. DOI: 10.1017/CBO9781107323926
- Basbugoglu T., Korkut U. (2022). Responsibility to Protect European Identity, in Foley J., Korkut U. (ed.) *Contesting Cosmopolitan Europe. Euroscepticism, Crisis and Borders*, Amsterdam University Press Amsterdam, Netherlands, pp. 85–103.
- Bölükbaşı Y.Z., Yücel, G. (2021) Turkish Ontological Security in the Early Republic Era: Identity, Regime, and State, *Universal Journal of History and Culture*, 3(1), pp. 19–34. DOI: 10.52613/ujhc.889306
- Davutoğlu A. (2013) *Teoriden Pratiğe: Türk Dış Politikası Üzerine Konuşmalar* [Talks on Turkish Foreign Policy from Theory to Practice], Küre Yayınları, Istanbul, Türkiye.
- Đureinović J. (2018) To Each Their Own: Politics of Memory, Narratives about Victims of Communism and Perspectives on Bleiburg in Contemporary Serbia, *Politička Misao*, 55(2), pp. 89–110.
- Ejdus F. (2020) *Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession*, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-20667-3.

- Khudaykulova A.V., Neklyudov N.Y. (2019) Konceptiya ontologicheskoy bezopasnosti v mezhdunarodno-politicheskom diskurse [The Concept of Ontological Security in International Political Discourse], *MGIMO Review of International Relations*, 12(6), pp. 129–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149 (In Russian).
- Lazar H.J. (1923) Gespräch mit Mustafa Kemal, *Neue Freie Presse*, 09.22, pp. 1–2.
- Lomonosov M.Yu. Kolobov A.V. (2007) Kosovskiy mif i jeho khronologiya [Kosovo Myth and Its Chronology], *Zgodovinski vesnik univerz Ljubljane in Permu*, 1, pp. 109–113. (In Russian).
- Mitzen J. (2006) Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma, *European Journal of International Relations*, 12(3), pp. 341–370. DOI: 10.1177/1354066106067346
- Rumelili B., Çelik, A.B. (2017) Ontological Insecurity in Asymmetric Conflicts: Reflections on Agonistic Peace in Turkey's Kurdish Issue, *Security Dialogue*, 48(4), pp. 279–296. DOI: 10.1177/0967010617695715
- Steele B.J. (2008) *Ontological Security in International Relations. Self-Identity and the IR State*, Routledge, N.Y., USA. DOI: 10.4324/9780203018200
- Stojanović D. (2011) Value Changes in the Interpretations of History in Serbia, in Listhaug O., Ramet S., Dulić D. (ed.) *Civic and Uncivic Values: Serbia in the Post-Milošević Era*, Central European university press, Budapest, Hungary, pp. 221–240.
- Subotić J. (2010) Explaining Difficult States. The Problems of Europeanization in Serbia, *East European Politics and Societies*, 24(4), pp. 595–616. DOI: 10.1177/0888325410368847
- Trošt T.P., David L. (2022) Renationalizing Memory in the Post-Yugoslav region, *Journal of Genocide Research*, 24(2), pp. 228–240. DOI: 10.1080/14623528.2021.1968852
- Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State, *American Political Science Review*, 88(2), pp. 384–396. DOI: 10.2307/2944711
- Zarakol A. (2010) Ontological (In)security and State Denial of Historical Crimes: Turkey and Japan, *International Relations*, 24(1), pp. 3–23. DOI: 10.1177/0047117809359040
-